

Александр РАТКЕВИЧ

ОНИ

(Непозема)

Мой враг и друг
печной паук –
с ним есть про что калякать:
не о тоске,
не о куске
дерьма в руке,
не про сушняк и слякоть.

Но не скажу,
что с ним сижу
на гибкой паутине;
я – словно стул
и как бы стол:
присел, привстал...
а он – в углу в камине.

Висит себе
серьгой в губе,
не вздрогнет и не ахнет;
зато, когда
журчит вода,
точней, слюда
вина и закуска пахнет,

вылазит он,
как фараон
на стол всевластно прётся:
потом пыхтит,
дрожит, шипит,
как динамит, –
гляди, как раз взорвётся.

Налив в графин
адреналин,
сюю стекло бокала
ему, чтоб он,
отбросив сон,
сквозь стук, сквозь звон
взбодрился от накала.

И тут паук
исторгнул звук
заманчивей запрета:
"Итак, друзья,

хоть пить нельзя,
я пью за взя... —
шучу, — ни то, ни это.

За деньги пью,
и тех убью,
кто их копить не хочет.
ОНИ, ОНИ,
как не стони,
любви сродни
большой, как царик-кочет.

Проходит всё,
но колесо
финансоопераций,
хоть не крути,
хоть не верти,
забудь почти,
не ведает простраций.

И что за глу, -
как — пасть, в углу
голодной собачёнки,
кормить того, кормить сего,
вдруг — итога:
остаться без мошонки.

А ведь давно,
как блажь в кино,
рачительные знают,
что только тот
ва-банк идёт,
кто в банк кладёт,
хранит и добавляет".

Ещё б он мно-
го-го-го..., но
я не сдержался ловко
и застонал:
"Ты задолбал
меня, шакал,
глагольной рифмовкой".

И бросил взгляд
на строчек ряд
своих: ого! приколы:
так ведь и тут,
тягучесть льют
и уши жмут
сверхсточные глаголы.

А впрочем, стоп.
И – прямо в лоб:
"Да убери ты "лапы",
а то, пижон,
взвалил пузон
на закусон
похуже жирной жабы".

А он, паук,
и впрямь сундук
напомнил без стеснения;
и потому,
когда ему
пришлось сквозь му-
не "-ки", а "-ру" смещения

сползти на стул,
чтоб хоть не сдул
его сквозняк случайный,
он застрочил:
"Вот и почил
почти как чил-
о, век необычайный,

за то, что не
сумел вполне
познать секрет двуглавый:
все на земле,
в воде, в золе,
во льду, в тепле –
лишь черви и удавы;

один язык,
другие зык,
и tertium non datur.
А посему,
когда я жму
тебе, ему
ладонь, как гладиатор,

меня томит
мысля-магнит:
не тот крутой и цапкий,
кто вечно сыт,
на золото сыт,
в хоромах спит,
а кто сшибает бабки.

Вот он и есть,

кто может плесть
надёжные тенёта
сквозь тишь и гам
по четвергам
друзьям, врагам
и кроликам без счёта".

И тут аврал
гостей пробрал:
они, подстать артистам,
чтоб скрыть позор,
наш разговор
почти в упор
благим покрыли свистом.

Подобный ход
событий от
начальных отличался,
и оттого
презрев родство
и статус-кво
(наверно, растерялся),

Паук, как джинн,
в родной камин
решил ретироваться,
но, глядь, а там
по всем углам
растёт вигвам –
огонь – судьбы палаццо.

Какая весть!
Плоска, как жесь,
но тяжелей недуга.
И вот, вразрез
судьбе, как бес,
паук полез,
пополз ко мне с испуга.

К такой туфте
я и в мечте
кошмарной не стремился.
И что? А то:
на все на сто,
как долото,
как меч, в меня вонзился

не стресс, не шок,
а острый ток
вопроса, что состряпать

успел, как дверь
охрипший зверь:
"Ответь теперь,
ты друг мне или лапоть?..

Похоже тут
все водку пьют,
лишь я – "чего-то" квашу;
уж не за то ль,
что мух и моль
ловить я woll
и прочую парашу.

Иль ты забыл
среди чернил,
что, все презрев законы,
я там плету
всем вам фату
и фрак, где сту...
тьфу, ставятся иконы.

И вообще,
пока ты ще-
гуляешь здесь, младенький,
ОНИ твой мозг
сквозь каверз лоск
легко, как воск,
переплавляют в деньги.

Зачем? Затем,
что ты, меж тем,
не обеспечен кассой
тогда, когда
текут года
не как вода,
а денежною массой.

Вот и храпи
теперь, как пи...
Здоров будь, без лишений.
А кстати, ты ж
боишься, вишь, –
чистюля, ишь! –
"крылатых выражений".

Каких?.. Каприз...
Да тех, что из
гортани рвутся рвотой,
чтоб сквозь скрижаль
библейских враль

топить мораль,
что нас покрыла квотой.

Ты просто трус,
и в лоно муз
засунулся бациллой,
плодя, как хват,
сам-тридесят
лишь кобелят
писательской кобылой.

Что выраста-
я, знаю, ста-
-и-реют без сомнений
в своих мечтах,
в своих домах,
в своих грехах
пружиной косных мнений.

Она и гнёт,
она и гнёт
тебя в дугу холопа,
чтоб ты рабо-
тая, - тубо!
лизал – слабо?-
всё то, что там, где ж..а.

Ага! Испуг
тебя сам-друг,
верней, втройне попутал...
Да ты, милок,
бел, как мелок,
как потолок
и как опилки пугал.

А ведь слова
всегда слова:
из букв, слогов и звуков;
и только мне-
ни-"я" во мне,
как "ты" во вне,
сознание убаюкав

людей, чертей,
зверей, детей
и прочей смертной бучи,
без сна, без дат
– всю ночь – плодят
– весь день – щенят
не смысла, а падучей.

А посему
мы все му-му,
скромней: шарнир надстроек.
Но кто лежит
вершиной: жид,
иезуит,
вампир иль параноик?

Катай губу,
ответ – табу:
не дьяволы, не боги...
ОНИ, как спрут,
и там, и тут
снуют, сосут
наш интеллект убогий.

Хотя, так скать,
вернусь опять
к твоей персоне вздорной:
ты пишешь сти-
(хи-хи!) почти
как тот – прости! –
кто на стенах уборной.

В них как бы есть
благая весть
с лингвистикой лучистой,
но дунул ветер,
махнул осётр
хвостом и утр-
омывшись, смотришь, – чисто:

стена чиста,
да и листа
лилется пространство,
и нет стихов,
верней, тех слов,
что из слогов
варил ты как гурманство.

Хотя всё то,
тебе я что
обрисовал вот только,
всего эскиз
или абрис,
точнее, криз
тональный... или долька.

Не будь слепцом,

ведь все кругом
смеются над поэтом;
а то, чёрт-вёсть,
такие есть,
кому за честь,
за лоск сойдёт при этом,

когда в роду
завёлся ду-
ховник писаки вроде,
перед ним склонить
коленей прыть,
чтоб упросить
при всём честном народе

его в тетрадь
строк не писать,
сором не вышел дабы,
дабы на взор
не лёг позор,
как мелкий сор
морщин на тело бабы.

Короче, так:
хоть ты мастак
на лиросантименты,
но вот вопрос,
кому принёс
весь этот сброс
ритмичный дивиденды?

Тебе? стране?
а может, мне?
где, кто пожал прибавку
в свой кошелёк,
в карман, в чулок
за то, что влёк
стихи на жизни лавку?.."

Но тут, как щёлк,
паук умолк.
Часов кукушка смачно,
дверь скovyрнув,
на мир взглянув,
раскрыла клюв,
и тут уж однозначно

я, видит бог,
смолчать не мог
и фраз швырнул монеты:

"Ты тем хорош,
что много пьёшь,
а больше врёшь...
Есть всё-таки поэты,

которых жжёт
расчётный счёт
своей густой цифирью;
им нужен он,
как злату звон,
булату стон...
А смерть стоит с псалтырью.

Да где те знать,
что лито-знать
вся держится на литрах:
смог ублажить,
смог угостить
и напоить
того, кто вечно в титрах,

вот и согрет
строкой газет,
страницей книг, буклетов;
и, зырь, кругом,
во тьме и днём,
и за углом
полным-полно поэтов.

Стоят, глядят
вперёд, назад,
нюх по ветру, не куцо.
А лучше, ес-
лишений без
умеешь рез-
конечно, развернуться,

и тем, кто тут –
и царь, и шут –
владеет литолипом,
внести от душ-
и без наруш...
изрядный куш,
то, я уверен, с нимбом

тебя во гроб
положат, чтоб
твои поднять проценты..."
"Вот-вот, – паук,
взглянув вокруг,

вмешался вдруг
в мои ингредиенты

словесных блюд. –
Ты знаешь, тут
занозы шип остался:
ведь ты, баул,
среди литакул
свой шанс зевнул
тем, что не пресмыкался.

Вот так, дружок,
сгибают в рог
тех, кто не лыком шиты.
А весь секрет
в том, что на свет-
его и нет,
как нет от НИХ защиты.

Как коз, коров,
своих рабов
ОНИ тысячекратно
сквозь словоблуд
в полях пасут,
на бойне бьют,
пакуя аккуратно.

Отсюда – зна...".
Пошёл ты на...
Ху – йотовая – литель,
верней, лите-
о-ратор в те
пространства, где
зародышей обитель.

Там и читай
на весь "китай"
про эти "фрукт и овощ"...
"Чего-чего? –
сквозь статус-кво
паук, как сво-
разгневанных чудовищ

свои глаза
задрал на за-
копчёный дымом сизым
от папирос,
от сигарет,
и от сигар
не потолок с карнизом,

а, страшно мол-
- ведь вот щегол –
на небосвод синильный
[сквозь менингит
бетонных плит,
радикулит
гудронной крыши пыльной],

(хотя всё то,
в квадратных что
зажато скобках туго,
своей рукой
кнутом-чертой,
как кислотой,
я зачеркнул с испуга),

продолжив: – Там
твоим мозгам
ОНИ готовят строфы,
но не от муз,
не как конфуз,
не в профсоюз,
а в форме катастрофы.

Скажи мне, друг,
где делась вдруг
мощь Древнего Египта?
Цвела, как лань
как неба длань, –
сегодня, глянь,
шмотками манускрипта,

как в унитаэ,
исчезла враз
ацтекская культура.
Кто приложил
усилья жил,
чтобы в распил
погнать трусцой аллюра

не как людей,
как лошадей,
израилево племя:
двенадцать – все –
в своей красе
колен посе...,
растоптаны, как семя?...

И этот счёт

не знает счёт:
он бесконечен слишком;
а что он, чай,
не звона чай,
не – невзначай,
так это явно с лишком.

Так вот и вас
ОНИ анфас
и в профиль, и в зеркальность
отправят в мир,
где эликсир –
земельный жир,
вспоров ножом реальность:

и ты сполна
исчезнешь на
– сквозь шорох всех вселенных –
140 сек.,
140 мин.,
140 час.,
140 лет мгновенных.

А я легко
как насеко-
мой душой восстану,
ведь гибнет то,
что развито,
вернее, что
творцу по барабану".

"Уймись, мусьё!
Хорош выё-
в-живаться в роль провидца". –
Чуть шевеля
губой, шая,
проямлил я,
подумав: он напиться

успел уже,
в его мозже-
че-ке, че-ка, че-чётко
сквозь сна панно
давным-давно
идёт кино
шкодливою щекоткой:

и вижу я,
ползёт, жуя
соплю, сверхпаучина,

и цап! – кого? –
врага мойво,
сквозь квипрокво
смакуя благочинно

его лицо,
скорей, пузцо,
а вообще, всё вместе.
А за столом
гостей содом
с гоморрой в ком,
в клубок – не много ль чести? –

скрутились, чтоб
избегнуть проб
своих телес звериных
на вкус, на цвет,
на мысль, на бред,
на просто вред-
но с тьмой словес уринных...

Жизнь, как лузга,
вся недолга;
весь мир – абсурдный яр-Лик:
сойдёт страда
и царство льда
придёт, когда
иссякнет Жёлтый Карлик.

Хотя возмож-
но как под нож
свои подсунув транты,
сказать как раз
и перифраз:
жизнь есть алмаз,
искусство – бриллианты.

А это чмо,
как эскимо,
что съедено чуть выше, –
в глазу бельмо,
в тазу клеймо,
внизу ярмо...,
здесь надо бы пожиже,

но эта суть
уж как-нибудь
раскроется попозже,
когда, зараз
снеся в лабаз

свой финзапас,
свои ослабив вожжи,

один "медведь"
мне скажет: ведь
жизнь просто *треугольник*,
что дан дарма...
Так что – эхма! –
схожу с ума,
переходя на стольник.